

Гость хлопнул дверью : фантастический рассказ //

Тюменский комсомолец. – 1966. - № 75 (2087). – С. 4 ; № 76 (2088). – С. 2; № 77 (2089). – С. 3; № 78 (2090). – С. 4; № 79 (2091). – С. 4 ; № 80 (2092). – С. 4.

Осень налоговым инспектором заглядывает в каждый уголок. Деревья роняют медяки. Ветер деловито сгребаёт их в кучи. Я сижу на скамейке опустевшего, как зал после сеанса, парка и думаю о крыше над головой. Думаю о том, что на последнюю монету надо было всё-таки купить чашечку горяченького кофе, а не газету.

Правда, тогда, ещё весной, такой рискованный шаг принёс мне удачу. Я сидел на этой же скамье и просматривал номер этой же газеты. Добираясь до объявлений, я наткнулся взглядом на такое:

«ВЗРЫВ НА ПОЛИГОНЕ.

Вчера при испытании новейшей космической ракеты произошёл взрыв. Пострадало...».

Меня бесят эти остолопы! Если у тебя не хватает в голове нескольких винтиков, чтобы запустить ракету, освободи место для другого. На деньги, что взорвались на полигоне в виде ракеты, я бы мог иметь всю жизнь хлеб с маслом. Да ещё подавать его в постель своей жёнушке, которую мог бы завести, будь у меня на хлеб с маслом. Но в кармане у меня денег, как волос на лягушке, и поэтому я сижу в парке и читаю газету.

«Могу дать работу инженеру, знающему электронику, кибернетику, радиотехнику. Оплата по соглашению...».

Стоп, мальчик! Кажется, это то, куда ты можешь приложить свои силёнки. Так подумал я, и затвердив адрес, как первоклассник азбуку, направил свои стоптанные ботинки к адресному бюро. Миллионная копия Мэрилин Монро объяснила, что адресат, нужный мне, проживает за городом.

Через час, предварительно укрепив подошвы своих скороходов бечёвкой, я нажимал кнопку звонка у калитки.

«Профессор Оппенгеймер» - так значилось в газете. Что ж, посмотрим на этого профессора, который может использовать мои силёнки. А они у меня есть, клянусь последним окурком, выкуренным утром натошак.

«Я не родственник того Оппенгеймера, который прославился своими атомными хлопущками, - сказал профессор, пододвигая ко мне ящичек с сигарами. Я, к тому же сторонник чистой науки, свободной от всяких примесей, тем более радиоактивных, - добавил он и наполнил мою рюмку коньяком. – Я не Крез, но могу платить вам не меньше, чем Рокфеллер, у которого, кстати, вы не нашли работы, - говорил профессор, поднося мне спичку. – Я не учёная мышь, которая не знает ничего, кроме своих лабораторий, и не сухарь в котомке нищего, - продолжал он, доливая себе в рюмку. – Я люблю отдохнуть сам и позволяю это делать другим. В масштабах усадьбы, конечно. В течение всей работы вы будете иметь связь в городе только с банком. О счёте можете осведомляться хоть каждый день. Пока вы будете жить у меня, ваш счёт разбухнет, как утопленник, извините за сравнение. Если вас устраивают мои условия, можете принимать ванну и отдыхать. Всё, вплоть до булавки в галстук, найдёте в шкафу.

Условия мне подходили, и я пошёл принимать ванну...

Оп (так я назвал про себя профессора) и в самом деле не был сухарём. В общении держался по-свойски: рубаха-парень, весельчак. Иногда пропадал вечерами и возвращался навеселе, если судить по шаловливым мелодиям, которые он высвистывал сочными губами. Всё это я мог видеть из сада, где прогуливался до поздней ночи, обдумывая ту или иную деталь, - для начала Оп предложил мне сконструировать нечто вроде робота в разобранном виде, который после подачи слабых электрических импульсов мог бы двигать рычагами.

Убей меня бог, если я догадывался, на кой черт платит профессор такие деньги за мою работу. Любой школьник из выпускного класса справился бы с этим делом не хуже.

Две недели я просидел в мастерской, оборудованию которой позавидовала бы любая промышленная компания. Я смастерил этот механизм, который при подаче импульсов различной частоты двигал рычагами, смотрел телевизионными трубками, реагировал на голос, жест. Словом, сделал профессору детскую игрушку, коль скоро она ему понадобилась.

Оп дотошно расспрашивал меня о каждой детали.

- Если сюда подать слабые импульсы, они будут двигаться? – спрашивал он, показывая на рычаги.

- Им больше ничего не остается делать, - отвечал я.

- А если сюда, он будет видеть? – спрашивал Оп, показывая на телевизионное устройство.

- Как мы с вами, - отвечал я.

- А если сюда, он будет слышать?

- Как собака...

Профессор, ощупывая механизм, чуть не принюхивался. «Посмотрим, посмотрим», - бормотал он. Потом хлопнул меня по плечу.

- А вы, ей богу, заслужили лишнюю чарку и отдых. В кабинете, по коридору направо, у меня личный кинотеатр. Сегодня получил новейший боевик. Можете прокрутить. Вино – у Эбби...

Прежде, чем отправиться к Эбби, полуглухой толстой женщине которая в единственном лице исполняла роли дворника, садовника и уборщицы, бегала за обедами в ресторан, закупала продукты и вина и делала ещё много дел, на которые, чёрт знает как, выкраивала время, так вот, прежде чем отправиться к Эбби, я продемонстрировал Опу работу моего детища. От батарейки карманного фонарика я подал слабый разряд на разговорный аппарат, и моя машина прохрипела «Хау ду ю ду, сэр!»

- Приветствую вас в новой жизни. Вы меня слышите? – спросил Оп.

«Хау ду ю ду, сэр!» - снова проскрипела машина.

- Фу, чёрт! – потёр лоб профессор. – Совсем забылся. – Вы можете идти, - сказал он, - желаю вам хорошенько повеселиться.

А он весельчак, этот Оп! Повеселиться в четырёх стенах!

Я веселился всю неделю. Веселился, как мышь в мучном складе. У меня было всё... кроме общества. Даже поговорить не с кем. Тугоухая Эбби на все расспросы отмалчивалась. Я просмотрел десятка два боевиков, два раза напился в стельку и заскучал. Оп не показывался.

Лишь через недельку новоявленный монах-схимник вылез из своей кельи. Он сиял, как начищенная бляшка, и я присматривался, не появился ли над его кудрявой головой нимб святого. Он поманил меня пальцем.

- Как отдохнули?

- Неплохо, - ответил я. – Надо будет сменить киноплёнки.

- Рвётесь взяться за работу, не так ли?

- Если вы решили платить мне деньги за просмотр картин, мне и это подойдёт. Могу даже давать короткие рецензии.

- Ну, это пока не требуется, тянул губы в улыбке Оп. – Пойдёмте, я вам покажу кое-что.

Мы зашли в лабораторию.

- Узнаёте своего сосунка? – спросил Оп.

- Да, это моё произведение. Но, позвольте... что блестит там, среди рычагов?

- Это моё дополнение к вашему дитяте, - самодовольно сказал Оп. – Я дал ему разум.

Телевизионные трубки мерцали слабым светом. Внимательно приглядевшись, я понял, что энергия шла из того «дополнения к моему дитяте».

- Извините, - раскланялся Оп, - факир без фрака. Но тем не менее начнём представление. Вы меня слышите? – обратился он к ящичку.

- Да, - прохрипело в ответ.

- Как себя чувствуете? – в голосе профессора было легкое волнение.

- Глаза режет. И уши больно...

- Поднимите руку, - сказал Оп.

Механическая рука медленно поднялась.

- Другую, - приказал профессор.

Поднялся другой рычаг.

- Вы меня видите? – спросил Оп.

- Плохо, - прохрипело в ответ.

- Что-то с лампами, - обратился Оп ко мне и добавил раздумчиво: - А может, нерв повреждён? – И снова к ящичку: - Вы страдали близорукостью?

- Я и сейчас ею страдаю, - прохрипело в ответ.

- Что за чертовщина! – воскликнул я.

- Сеанс окончен, - сказал Оп и, отключив аппарат, устало взглянул на меня: - Копию этого механизма заключите в изящную оболочку человеческого тела. Пусть это будет копия мужчины. И позаботьтесь, чтобы он был красивым.

- Размер головы, - чуть побольше этого. Список необходимых материалов предоставьте через час.

- Мне не потребуется и минуты, - сказал я. – Закажите один из экземпляров на фабрику манекенов. Там производят даже копии кинозвёзд в натуральную величину.

- Отлично, - сказал Оп. – Закажите Фрида Кининга и Мэрилин Монро...

Пришлось же с ними повозиться! Вмонтировать механизмы роботов в эти изящные фигурки было не так-то просто. Зато через две недели я мог гордиться своими звёздами.

- Как живые, - одобрил мою работу Оп. – Мы их плясать заставим. Танец племени Ням-ням. Самбо-мамбо.

Он был в отличном настроении, мой босс. Он прогнал меня на неделю в свой частный кинотеатр с бесплатным приложением в виде буфета.

* * *

... Полуглухая Эбби лила слёзы в уголке. На днях ей сообщили, что её единственный сын, до армии шалопай, каких мало, погиб за дело свободы во Вьетнаме. Там их много гибнет, наших парней. Не иначе, как от мошкары и лихорадки. Ведь, если верить нашим газетам, сильнее американской армии в мире нет.

- Выпьем, Эбби, в память твоего сына, - бодро сказал я.

- Ты-то живой, чего тебе не пить, - пробормотала старушка и пошла к себе во флигелёк. Видимо, мой тон пришёлся ей не по нраву. Видимо, она хотела, чтобы с ней за компанию кто-нибудь поплакал. А мне это ни к чему. У меня есть счёт в банке и мне слёзы ни к чему...

Зная, что босс не выйдет теперь из лаборатории по крайней мере неделю, я подумал, а не рвануть ли мне в город. Слово словом, но ведь я не в концлагере, где мне пришлось посидеть в сорок четвёртом.

И пошёл я к воротам. Просто так, посмотреть, смогу ли выйти, если захочу. Мне надоела связь с городом только по телефону. Я поднимал трубку и называл номер, который мне сообщил босс. В ответ хрипловатый голос говорил: «Банк слушает».

- Семнадцать дробь пятнадцать, - говорил я.

- Двести пятьдесят долларов, - отвечал голос.

- Двести пятьдесят пять, - говорил он на другой день.

- Триста, - сообщал на третий.

Семнадцать дробь пятнадцать – это номер моего счёта в банке.

Первого счёта, чёрт побери!

Я взялся за кольцо у ворот и отскочил, как ошпаренный. Над ухом взвыла сирена...

- Ошиблись дверью? Или перехватили в буфете? – громко спросил Оп, открыв окно своего кабинета.

- Да, - сказал я, - перехватил, Больше не буду.

- Тогда зайдите ко мне, побеседуем, - пригласил профессор.

Оп встретил меня, сидя на подоконнике и покачивая ногой. Я был противен сам себе. В конце концов получилось несолидно: заключить договор на кругленькую сумму и пытаться нарушить его.

- Вы находите, что я мало вам плачу? – спросил босс.

Мне было плохо, как коту, который нашкодил и ждёт расправы.

- Да нет, - сказал я как можно беспечнее, - мне хватает.

- Тем более, что я избавил вас от расходов на виски и на кино, - добавил босс, - и не беру платы за квартиру. Но это можно устроить.

- Да нет, - повторил я, - мне хорошо.

- В вашем досье, любезно доставленном мне из полиции, вы за собой никаких хвостов не имеете. На работу вас не принимали по простой причине – таких как вы, много. Есть ещё и поспособнее.

Я впервые узнал, что у босса заведено на меня личное дело. Я чувствовал, как коту наступили на хвост.

Вот он, этот новый тип хозяина! С рабочим он запанибрата (а как же – демократия!), с улыбкой даёт работу, с улыбкой вышибает вон.

- Прачечная закрыта на ремонт, - сказал босс. – В следующий раз будьте аккуратнее.

Ещё бы! Я никогда не имел столько денег на карманные расходы, чёрт побери!

Это ваша мама, давшая вам плоть, а я ваш папа, давший душу, - сказал босс «Кинингу» и «Монро». – Поздоровайтесь с мамой, дети.

«Дети» молчали, глядя своими стеклянными то на меня, то на профессора.

- И будет суд божий, и мёртвые восстанут из могил, - сказал Оп. – Я, как Иисус, даровал им вторую жизнь. Но не видно, чтобы они радовались. А ведь я провёл с ними неделю, внушая мысль о новой жизни и бессмертии. Ей богу, они и по сей час думают, что попали в загробный мир. Вы меня слышите? – обратился босс к манекенам (как ни верти, а это были манекены, напичканные мною разными механизмами).

- Слышим, - ответили Кининг и Монро дуэтом.

- Так какого чёрта вы молчите, когда с вами разговаривают на чистейшем английском языке? – осведомился босс.

- Мы ещё не привыкли, хозяин, - ответил Кининг. Я много думал об этом, когда вы на одну ночь оставили нас в сознании и позволили думать. Вы только отключили язык и уши. Чтобы мы могли думать. Я много думал. Вы большой учёный, хозяин. Нам надо бы вас поблагодарить, но мы ещё не привыкли, хозяин.

- Да, мы ещё не привыкли, - сказала Монро.

- Что за чертовщина? – спросил я. – Где вы берёте кибернетические мозги, хозяин? – я произвольно назвал босса так же, как Кининг. – Что за программа в этих машинках?

- Мозги я беру в морге, - сказал Оп. – Я, наверное, пропустил через лабораторию тысячу тонн этих мозгов, прежде чем добился результатов.

- Перестаньте меня дурачить. – сказал я.

- Поболтайте на досуге, - обратился Оп а Кинингу и Монро, - а мы с вашей мамой поговорим о воспитании.

Мы вышли в соседнюю комнату...

- Я распечатал пятый десяток, - сказал босс, - и добрую половину жизни потратил на ожидание этого дня. Я научился сохранять мозг в особой жидкости. Но толку от этого – как от пляски улиток, если бы мне не помогли русские.

- Русские?

- Они самые. Наши политические враги, или друзья по сосуществованию. Как вам угодно. Так вот, они изобрели хитроумную штуку. Корона, в которой вместо алмазов тысячи ламп, одевается на голову. Допустим, человек читает стихи. Аппарат улавливает биотоки мозга, и накал ламп сильнее на одном участке, человек работает руками – на другом, человек говорит – на третьем. Русские помогли мне найти то, над чем я бился не одно десятилетие: участки руководства человеческим организмом в коре больших полушарий. В эту корону я вставлю в тысячу раз больше алмазов, чем было в короне индийских раджей. Эти лампочки я превращу в драгоценности всего мира. И буду владеть ими! Разумеется, и вы не останетесь в накладе, - великодушно добавил Оп.

Я впервые внимательно присмотрелся к боссу. Кто он? Великий учёный или шарлатан с образованием? Проблема сохранения материи в отрыве от организма давно решена. Один из итальянских учёных выращивает эмбрион человека в колбе. В России научились приращивать и заставили работать органы другого организма. Отрезало ногу – пожалуйста, вам другую, и пляшите на здоровье... И теперь этот аппарат, позволяющий «читать» мысли!

- Русские не умеют хранить секретов, - самодовольно продолжал Оп. – И в том наш выигрыш. Обрабатывать готовые материалы и находить им применение всегда легче, чем создавать самому. А улучшить можно всё. Русские хотят даже улучшить всю планету, как будто господь бог не указал предела, сотворив всё сущее на земле.

Коммунисты в бога не верят, поэтому считают его творение несовершенным. И хотят его улучшить. Не потому ли они не держат своих секретов в тайне, что надеются: каждое их достижение принесёт пользу в других частях света?

- Как говорится, человек предполагает, а бог располагает. Во всяком случае, читая про их грандиозные планы, я думаю о муравьях, создающих гору. Соломинка по соломинке – и Гималаи. И вдруг кто-то взял и разворотил эту гору. Кому-то, видите ли, участок под застройку потребовался. Он вместо муравейника хочет воздвигнуть пирамиду Хеопса...

- Вы за сильную личность, делающую историю?

- Почитайте библию и учебник новейшей истории, и вы будете иметь такое же мнение. Еврейский Соломон укладывает филистимлян в штабеля один, при помощи ослиной челюсти. Гитлер создаёт военную машину и перемалывает в ней миллионы серых личностей. Один!

- В эту машину чуть было не попали и мои кости. Уж я-то рад, что ему свернули шею.

- Просто он чуток поторопился, - сказал босс. – Другие будут умнее.

- Кого вы имеете ввиду? – осведомился я.

- Земной шар большой, а у коммунистов всегда было много врагов. Но мы отвлеклись...

Так вот, я научился не только сохранять мозг после биологической смерти организма, но и заставил его продолжать свою деятельность. Я создал роботов с человеческим мозгом!

О, чёрт побери! Да он гений, мой шеф! Роботы с человеческим мозгом! Учёные, умершие от инфаркта, продолжают работать после смерти. Робот с человеческим мозгом может выйти на любую планету без особого риска для себя. Робот с человеческим мозгом опускается на дно океана, и многие загадки моря, тайны затонувших городов и исчезнувших материков становятся ясными...

Я даже вспотел. Я готов был упасть перед своим шефом на колени, как перед богом, дарящим бессмертие.

Всё это я довольно бессвязно высказал ему.

- Да, - сказал он, - так и будет. Мы сможем послать армию роботов и на Луну, и на другие планеты. Ежеминутно различные катастрофы уносят тысячи жизней. Допустим, что хотя бы у половины мозг остаётся неповреждённым. Мы делаем роботов. И вот уже тысячи, да что там – миллионы роботов можно поставить к станкам. Они не устают, и им не надо платить.

Производство товаров резко возрастет. В стране будет настоящий рай, почище их хваленного коммунизма. Человек с рождения может отдыхать. А когда пробьёт его смертный час, мы укладываем мозг в металлическую голову, и он начинает работать. Познав все прелести жизни без труда, человек начинает работать после своей смерти, создавая блага другим.

Неплохо, правда?

Это было гениально, черт побери!

- Да, но это в будущем, когда производство роботов будет поставлено на поток. Я стану вождем великой нации, нации ГОСТЕЙ, эти несокрушимые существа, завоюют мир.

- Как вы их назвали? ГОСТИ?

- Да, я назвал своё произведение – ГОСТЬ. Гомо сапиенс технизированный. Это, по-моему, наиболее подходит к нашим детям, как вы считаете?

Я согласился, что это здорово им подходит.

- Ну, вот и всё, - сказал босс. – А теперь посмотрим, как ведут себя наши детки. Не поссорились ли?

- Почему они должны ссориться?

- Да потому, что в яркую оболочку Фрида Кининга попал мозг негра. А Мэрилин Монро – обыкновенная потаскушка, которую пристрелил любовник. Он-то окончит свои дни на электрическом стуле, а она, пожалуй, переживёт всех нас. Переживёт в относительном смысле... Так вот я и думаю, не поссорились ли Мэрилин с Фридом из-за того, что у него желтоватый мозг?

- А он в самом деле отличается от мозга белого человека? – поинтересовался я.

- Я этого не нашёл, - рассмеялся Оп, - хотя, роясь в черепе этого парня, я чувствовал приступы тошноты. Предпочитаю, чтобы все негры имели искусственную телесную оболочку.

- А не находите ли вы, им тогда будет легче бороться за свои права? Ведь эти... - я запнулся, - эти ГОСТИ, по существу, бессмертны.

- Господь дал, господь и взял, - ответил Оп словами из библии. – Теперь я могу координировать различные участки мозга. К примеру, начисто отключить участки ненависти. ГОСТЬ будет находится в постоянном блаженстве, испытывая чувство благодарности ко всем вообще и ко мне, как Верховному Руководителю, в частности.

«Ого, - подумал я. – Оп уже и титул себе подобрал. Верховный Руководитель!.. Чего? Государства? Земного шара? Вселенной?».

Кининг и Монро мирно болтали.

- Я вижу, вы уже успели познакомиться? – весело сказал Оп.

- Да, хозяин. Мы говорим, как нам повезло, что вы оставили нас жить, - ответил Кининг.

- Я хотела бы встретить своего Джонни и выцарапать ему глаза, - сказала Мэрилин. – Он век не видел такой красоты. Вот бы глаза вытарацил, если бы я сказала что он видит свою Грету.

- У меня дома осталась мать, можно её попроведать? – спросил Кининг. – Когда я уходил из дома, там не было ни кусочка хлеба. Машина налетела на меня в тот момент, когда я торопился домой, заработав немного денег.

- Да, перемололо вас здорово. Даже родная мать не узнала, когда ей отдали тело.

- Да, у меня было хорошее тело, - с грустью сказал Кининг. – Чего, чего, а работать я мог. Только не давали мне её, работу.

- Ну, сейчас вам работать не придётся. Деньги на еду не нужны, - сказал Оп.

- Жаль. Я так любила поесть и слегка выпить. – сказала Монро.

- Быстро же вы освоились в новом мире, - рассмеялся босс. – Когда-нибудь у вас будет всё, как у настоящих людей.

- И мы сможем, как настоящие люди... любить? – спросила Монро.

- Вот она, женщина! – сказал Оп. – Даже в загробном мире любовь для неё на первом месте. Для любви надо сердце. – сказал он Мэрилин, - ту машину, которая заменяет женщинам мозг. А я этого пока сделать не в силах.

- Но я уже сейчас чувствую, что могу любить. Чувствую, что не разлюбила своего Джонни, хотя он в меня и стрелял, стервец такой, - сказала Мэрилин.

- Работа гипофиза. – сказал мне Оп. – Ну-с, пока отдыхайте, - обратился он к Мэрилин и Кинингу.

- Не выключайте нас, хозяин, - попросил Кининг. – Так хорошо снова оказаться в этом мире.

- Считайте, что вы спите, - сказал босс и отключил систему проводов.

По заказу босса нам доставили бронированные пластины, и я приступил к производству нового робота. И помогал мне знаете кто? Кининг!

- Пусть поработает, - сказал Оп. Посмотрим, на что годны эти ГОСТИ.

Кининг трудился старательно. А так как он не уставал, то лучшего помощника было не найти. За работой мы сблизились, и, ей богу, я иногда забывал, что разговариваю с полуискусственным существом. Да какой там «полу»! Он был на девяносто процентов искусственным, этот Кининг. Но я этого не замечал. Ведь мозг-то у него был человеческий!

Кининг рассказал мне о себе. Обыкновенная судьба обыкновенного негра...

Семья перебивалась с хлеба на воду. Том, так звали Кининга при жизни, не мог даже жениться: не на что было бы содержать лишние рты. А когда отец умер, стало ещё труднее. Том так и не мог найти работу.

Судьба Греты, которая вертелась около нас и помогала по мелочам, также не отличалась ничем особенным. Рано осиротела, воспитывалась у тётушки. Когда тётушка умерла, семнадцатилетняя девчонка пошла в услужение. Хозяин совратил её. Хозяйка прознала и выгнала на улицу. Несколько месяцев полуголодного существования и Грета пошла на панель. Джонни оказался обыкновенным сутенёром. Посчитав, что Грета обманывает его, не отдаёт все деньги, он на первый раз жестоко избил её, потом пристрелил. Это делается просто, когда в магазинах продают револьверы, а в кино на протяжении двух часов сто раз убивают и насилюют...

Том-Кининг отлично работал на всех станках, и через неделю новый «организм» был готов. Бронированный организм. Не знаю, зачем он понадобился хозяину.

На мой вопрос Оп ответил: «Испытаем в других условиях». И заперся в лаборатории.

Два дня мы с Томом-Кинингом и Гретой-Монро крутили боевики.

- Боже, как я рада, что могу вечно лицезреть этот мир! – восклицала Грета.

- Побывать бы дома, посмотреть, как живёт мать, - печально говорил Том.

Я же только тем и занимался, что пил виски да снимал телефонную трубку.

«Тысяча долларов», - ответил мне однажды сиплый голос, и я выпил подряд две рюмки. И даже предложил выпить Кинингу, на что он ответил: - Смейтесь, хозяин. Я и раньше этим не баловался...

И всё же том и Грета вполне заменяли мне любое общество.

ГОСТЬ-3 получился на славу. Он совсем не был похож на человека внешне. Робот и робот. Странно, но и Том и Грета относились к нему, как к машине. Интересно, что будет, когда босс вставит ГОСТЮ мозг. Кем он окажется? Мужчиной, женщиной? Хотя странно говорить про эту существа: мужчина, женщина. Мозг Тома можно вставить в оболочку, имитирующую женскую фигуру. Мозг Греты – наоборот. Наверное, они были бы страшно обижены. Том постоянно бы путался в юбках, а Грета не смогла бы привыкнуть в мужской одежде. Ну и дела! А ведь они даже по утрам умываются. И, вообще, ведут себя, как настоящие живые люди. Но ведь они и есть живые? Мозг-то работает! А тело? Тело искусственное. Значит, они машины? Фу, чёрт! Совсем запутался.

- Что это вы там бормочете? – спросил Оп. Оказывается, он уже давно наблюдал за мной.

- Да вот раздумываю, что случилось бы, если Кининга и Мэрилин поменять телами, - сказал я.

- Переставить мозг? – рассмеялся босс. Пожалуй, они бы ещё начали стесняться друг друга. Мозг приучается действовать соответственно тому, какое тело у головы, в которой он находится. Вот вам и повод для размышлений. А теперь полюбуйтесь на нашего нового ГОСТЯ.

ГОСТЬ-3 стоял в углу, и его глаза матово отсвечивали.

- Поговорите с ним, - предложил мне босс.

- Как вас зовут? – вот и всё, что я мог спросить.

- Меня зовут Джон, - ответил ГОСТЬ-3.

- Вы местный, горожанин? – спросил я.

- Если наши трущобы можно назвать городом, то да, - ответил ГОСТЬ-3.

- Кажется, этот из социалистов, - сказал Оп. - Прекрасная компанейка: социалист, негр и шлюха.

Он их совсем не стеснялся, мой босс. Но меня передёрнуло от его слов. Ведь я уже привык считать их живыми. Этих полулюдей-полуроботов.

- Напрасно вы обижаете бедную женщину, - сказала Грета-Мерелин. - Я бы не была такой, если бы у меня были деньги хоть на кусочек хлеба...

Голос её прерывался, и она о, боже! - поднесла платочек к глазам, к своим глазам-лампочкам.

- И ты не рад, что живёшь после смерти? - осведомился босс у ГОСТЯ-3.

- Если бы на фабрике были получше условия труда, моей смерти не было бы. Во всяком случае в этот раз, - сказал Джон-социалист. - Хозяин пожалел денег на кожухи к моторам, а я работал три смены подряд. Он платил нам гроши, вот и приходилось стараться. Видимо, вздремнул, меня и затащило. Не понимаю, зачем вам нужны эти фокусы с оживлением?

- Это нужно не мне, а науке, - сказал Оп. - Наука борется за безграничное продление человеческой жизни. Получеловек, полуробот - это первый шаг на пути к бессмертию. Радуйтесь, что вам первым пришлось участвовать в этом грандиозном опыте.

- Что толку, если по вине таких, как вы, ежедневно умирают с голоду, отравляются газом, выбрасываются из окон тысячи людей? Что толку, если вы дадите им искусственное тело?

- По крайней мере, не будет повода кончать жизнь самоубийством второй раз, усмехнулся босс и посмотрел на часы. - Вы знакомьтесь, а я отлучусь на минутку...

Мы разболтались с Джоном -социалистом. Он отнюдь не высказывал восторга по поводу своего бессмертия.

- Мы, полулюди, будем работать у станков? - саркастически спрашивал Джон. - Ещё бы, нам охотно дадут работу. Ведь нам не надо платить. Хозяевам барыши, а миллионы рабочих вылетят на улицу. И безработные женщины пойдут на панель, а мужчины - в солдаты. Прекрасная перспектива. Сначала сунь голову в петлю, а потом тебе дадут искусственное тело и работу...

- И тут у меня мелькнула мысль: «Так вот зачем босс велел сделать бронированное тело! Солдаты.... Тысячи ГОСТЕЙ пробираются по джунглям. Им не страшны болота, не страшны пули партизан. Погибают живые солдаты, и их мозг помещается в заранее приготовленное механическое тело. И вот эти роботы с человеческим мозгом идут мстить за свою биологическую смерть. Они беспощадны. Они косят всё живое, что попадает на пути. Они завоёвывают страны. И руководит этой нацией завоевателей профессор Оп, Верховный Правитель... чего? Государства? Земного шара? Вселенной? О, это страшный человек!

У ворот остановилось несколько машин.

- Пожалуйста, сюда, генерал, - сказал Оп.

Толстый генерал в сопровождении свиты военных прошёл вместе с боссом в комнату.

- Вот наши произведения, - продолжал профессор, показывая на Джона-социалиста, Грету и Тома. - Поздоровайтесь с генералом.

- Здравствуйте, хозяин, - сказал Том.

- Здравствуйте, - сказала Грета.

Джон-социалист промолчал.

- Любопытно, любопытно, - сказал генерал. - А какой экземпляр намечен к испытанию?

- Вот этот, - Оп указал на Джона.

Генерал неожиданно выхватил пистолет и выпустил обойму в Джона-социалиста. Тот упал.

- Что такое? - обратился генерал к боссу.

- Что с вами? - спросил профессор ГОСТЯ-3.

Джон уже поднялся с пола.

- Ничего, - хмуро просипел он, - Просто мне приходилось быть на фронте, и я привык падать, видя глазок пистолета. Зачастую от этого зависела жизнь.

- Сейчас вам этого бояться нечего. Вы бессмертны, - сказал Оп.

- Любопытно, любопытно, - генерал улыбнулся профессору. - Я, пожалуй, сделаю вам заявочку, лет эдак через сорок. Интересно будет посмотреть, как изменится мир после моей смерти.

- Он может измениться так, что всё надо будет начинать с обезьяны, - бросил реплику Джон-социалист.

- Единственный недостаток этих машин – они мыслят, - недовольно сказал генерал, обращаясь к боссу.

- Но и это их достоинство, ответил Оп. – Как существа мыслящие, ГОСТИ могут самостоятельно принимать решения в любой обстановке. Другое дело – как они мыслят. А мыслить они будут так, как нужно нам.

- Что и требовалось доказать, - раскланялся генерал. – Значит, испытания в пятницу. Самолёт будет ждать вас. Желаю успеха! – генерал козырнул, и военные отправились к машинам.

- Откуда они? – спросил я босса.

- Из Пентагона, - лениво ответил Оп. И, видя моё недоумение, разъяснил: - Все мои работы много лет оплачивает Пентагон. Зарплату различным людям в городах, которые доставляют мне свежие мозги, станки... Даже эта вилла и та принадлежит Пентагону.

- Свежие мозги?

- Видите ли, - сказал босс. – Через десять минут после клинической смерти мозг уже нельзя сохранить в первозданном состоянии. Клетки умирают, мы берём мозг у тяжелораненых ещё до смерти.

- Даже, когда человека ещё можно спасти?

- Было и такое, - ответил профессор.

- Значит, и Том и Грета, и Джон-социалист?

- Да, - сказал босс. Помолчав, продолжил: - Деньги на вашем счету – тоже пентагонские. Вы и виски пили за его здоровье...

- Что это за испытания? – прервал я.

- Испытания на полигоне. ГОСТЬ-3 будет подрывать танки и вообще делать всё, что потребуется. Он бывший солдат...

- И много вы думаете иметь таких солдат?

- Много. – ответил Оп. – Мне надо их много.

- Вам или Пентагону?

- Мне, - сказал босс. – Пока мы не наладим серийное производство ГОСТЕЙ, Пентагон мне нужен. Но со временем я пошлю его к чёрту. Я буду диктовать свою волю!

Босс снова начал распалаться.

- А почему вы со мной так откровенны? – поинтересовался я.

- Я думаю, вам нет смысла много болтать, ведь у вас есть счёт в банке. Кстати, его вам не оплатят без моего письменного разрешения. Так что не вздумайте бежать. А во-вторых, не исключена возможность, что при побеге вы сами можете стать ГОСТЕМ. Надеюсь, вы этого пока не хотите?

Босс зевнул.

- Ну, я пошёл. Отдыхайте. На испытания возьму вас с собой.

Тяжёлый самолёт шёл на посадку. Джон-социалист сидел рядом со мной и молчал. Он не отвечал ни на один вопрос, только показывал движением головы, что слышал, но разговаривать не хочет. Он был молчалив и задумчив последние три дня. Смешно, но эти полумеханизмы стали в последнее время избегать меня. Соберутся вместе где-нибудь в углу и гудят.

- Вы, кажется, что-то скрываете? – шутливо заметил я однажды.

- У машин тоже могут быть тайны, - ответил Джон-социалист.

- Вы же не машины. – сказал я.

- А кто? – спросил Джон.

Том и Грета провожали нас до ворот. На прощанье Джон-социалист помахал им рукой. Ну, как есть настоящие люди.

... На аэродроме нас ждали машины. Несколько часов езды – и мы были на полигоне. Здесь уже были несколько военных, сразу видно, крупных чинов. Ещё какие-то люди...

- Вон видите тот, слева, толкнул меня босс. – министр обороны. Недавно он выпросил у конгресса тринадцать миллионов на расширение войны во Вьетнаме. Кое-какие деньги из этой суммы пойдут на изготовление ГОСТЕЙ.

Босс подошёл к группе военных. С ним почтительно здоровались.

- Ну, как? Готово? – спросил один из генералов.

- Идите, Джон, - сказал Оп. Сказал просто, как будто посылал за спичками.

Джон внимательно осмотрел всех своими стеклянными глазами. И медленно-медленно пошёл по полю, поскрипывая стальными ногами. «Надо было смазать», - мелькнуло у меня в голове.

Какой-то сержант у края поля подал Джону связку гранат и побежал в сторону.

- Внимание! – прозвенел голос из радиорупора. – Испытания начинаются. Пускаю танки...

Мы наблюдали из бетонированного блиндажа. Джон стоял один посредине поля. Но вот откуда-то со стороны выполз танк.

«Радиоуправляемый», - подумал я.

Танк надвигался на Джона. Джон ждал. Танк хлестанул свинцом из пулемёта. Джон стоял. Потом он махнул рукой. Раздался взрыв, и танк завалился на бок.

- Блестяще! – сказал кто-то из генералов.

Тут же выполз второй танк. Он так и поливал Джона из своих пулемётов. А тот стоял, как ни в чём не бывало.

Подпустив танк на близкое расстояние, Джон взмахнул рукой. Снова взрыв – и второй танк на боку.

- Блестяще! – сказал тот же генерал.

Третий танк полз на Джона. Мы ждали взрыва. Но его не было. Джон начал бегать, увиливая от гусениц танка. Все столпились у амбразуры. В чём дело? Танк гонялся за Джоном, поливал его свинцом, а наш полуробот-получеловек увиливал от машины.

Может, психика подвела? Может, Джон представил себя настоящим человеком?

- Прикажете отставить управление танком, - сказал Оп.

Один из военных поднял телефонную трубку. Рокот на поле утих.

- В чём дело, Джон? – кричал в амбразуру босс.

- Отказали руки! – донеслось издалека.

Босс посмотрел на меня. Я пожал плечами.

- Крикните, чтобы он положил гранаты и шёл сюда, - сказал Оп.

- Положите гранаты и идите сюда, Джон! – крикнул я.

Джон молчал. Потом мы услышали: - Отказали ноги!

- Поломка от обстрела механической части исключена, - сказал я. – Таковую броню не пробьёшь снарядом.

Босс снова посмотрел на меня.

- Значит, при встряске разъединились нервные волокна, - пробормотал он. Обернулся к военным: - С вашего разрешения я выйду на минутку к Джону.

Мы смотрели, как профессор шёл по полю к своему детищу. Вот он всё ближе и ближе. Вот совсем близко. Вот...

Яркая вспышка, потом грохот. Это взорвались гранаты Джона. Когда мы подъехали к месту трагедии, там лежала только раскарёженная куча металла. Всё, что осталось от Джона. От Опа не нашли даже пуговицы.

...Том и Грета были мертвы. У них хватило умения вскрыть себе черепные коробки. Так вот о чём шептался с ГОСТЯМИ номер один и номер два ГОСТЬ номер три! Джон-социалист сразу раскусил, к чему ведёт это полуоткрытие-полуизобретение профессора Оппенгеймера. И после смерти, потеряв телесную оболочку, Джон-социалист не перестал бороться против войны, против капиталистов. Да ещё как бороться! Уходя из жизни вторично, ГОСТЬ сильно хлопнул дверью. Даже мурашки по телу...

С меня сняли подписку о неразглашении тайны. Счёт мой в банке лопнул. Без письменного разрешения босса мне не выдали ни гроша.

На последнюю монету я приобрёл вот эту газетёнку:

«ВЗРЫВ НА ПОЛИГОНЕ»

На днях при испытании новейшей системы оборудования для мирного запуска ракеты произошёл взрыв. Пострадал один из приглашённых гостей, доктор биологии Оппенгеймер...».

...Где найти работу инженеру, знакомому с электроникой, кибернетикой и радиотехникой?